

Лауреат Президентской премии

МОСКОВСКАЯ ПРЕМЬЕРА «ЧАЙКИ»

Театральный занавес
в спектакле Льва Додина

Независимая газ. 2001.

15 июня 2001 г.

Ольга Галахова

ПОСЛЕДНИЕ спектакли Льва Додина — спектакли, которым необходимо зрительское усилие, поскольку режиссерская позиция петербургского мастера относительно публики, вероятно, претерпела существенные изменения. Додин не стремится восхищать, удивлять. Он рискует быть обвиненным в скуке, но только не в бегстве от подлинного. Возможно, наступают такие этапы в судьбе режиссера, когда попытки самоограничения дают новые возможности. Вызывающая статика спектакля «Молли Суини», неспешная подробность нынешней «Чайки» говорят о том, что у Льва Додина угадывается какой-то новый период, поворот, этап равнодушия к зрителю, с одной стороны, и режиссерского самоулубления — с другой. Словно Додин говорит нам: «Пришли? Терпите меня такого».

Премьера «Чайки» в Москве еще раз убеждает в том, что режиссер сменил точку зрения. Подобно Чехову он не сочувствует, не страдает, а только наблюдает за со-

здаваемой художественной реальностью. Спектакль «Чайка» стал поводом для Додина выяснить отношения с искусством театра. Не разрешить спор Тригорина и Треплева, которые здесь — почти сверстники и по большому счету не представители враждующих партий в искусстве, а соперники по жизни. Додин укрупняет чеховский мир до шекспировского, находя тому подтверждение не в цитатах Барда, не в сюжетных аллюзиях, а в том, что помешает действие пьесы в пространство «Глобуса». Здесь нет закулисной жизни, потому понятие занавеса — условность, без которой можно было бы и обойтись, но ради приличия ее оставили, как у врача — раздевшись, но все-таки за ширмой. Все всё друг о друге знают: Шамраев — об измене Полины Андреевны с Дорном, Аркадина — об измене Тригорина с Ниной. Публика здесь, не подозревая того, — часть театра с ролью, определенной режиссером, — наблюдать за потаенным.

Додин цитирует мизансцену Станиславского, рассказывая обитателей усадьбы Сорина на спектакле Треплева спиной к зрителю. Прием театра в театре у Станиславского был призван

Аркадина — Татьяна Шестакова.
Фото Михаила Гутермана

усилить реальность происходящего на сцене. Прием театра в театре у Додина призван к другому, к тому, чего Станиславский не любил. Занавес, отделяющий театр от жизни, условен. В спектакле Додина их два: первый — треплевский, похож на бельё, вывешенное сушиться, — доморошенный, самодельный, который смешно и наивно отделяет «дух от материи». Второй — в финале спектакля выбрасывается неожиданно — из белого легкого клубя-

щегося шелка. Занавес профессионала — рефлексия по поводу той самой границы между жизнью и театром, которая всегда условна, как условно искусство театра. Так режиссер, воспитанный системой Станиславского, освоивший в совершенстве законы психологического театра, на революционной пьесе Чехова признается в том, что сценическое искусство — царство теней, оживающее и существующее в особой реальности. ■